ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

А. С. Пушкин в станице Берды

БЕРДЫ—СЕГОДНЯ

Память о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине, не, посетившем в 1833 году Берды для собирания материалов о пугачевском восстании, жива среди казаков станицы. Лишь недавно умерли старики, знавшие казачку Бунтову, которая нарисовала поэту отличный образ Емельяна Пугачева (по личным воспоминаниям). Сейчас вам покажут место, где стояла домик Бунтовой. Покажут место «золотой палаты» Пугачева, место пугачевских кухонь и стоянки его вольных войск («Сыртик»).

Бердинские казаки готовятся к годовщине смерти поэта. Горсовет отпустил 20 тысяч рублей для оборудования библиотеки - читальни имени Пушкина. Найден хороший дом. Закуплена первая партия книг. Приобретены мебель, шторы и прочее.

Недавно местные учителя организовали беседы о Пушкине с молодежью и учениками школы для малограмотных взрослых.

В февале будущего года в Бердах будет устроен пушкинский день. Будут приглашены гости из области.

У дома, где жил Пугачев

86-летняя казачка Акулина Тимофеевна Бунтова, уроженная Мордвинцева, живущая в Оренбурге, рассказала нам о пребывании поэта в Бердах нижеследнющее:

«В каком году приезжал Пушкин, я не помню, знаю только, что день выдался теплый и ясный. Двое каких-то господ, одетых в штатское платье, шли по улице: один высокий, другой пониже—курчавый, и у дома, что напроеть дома моего отца Мордвинцева, сидела наша бердинская казачка Бунтова, имени и отчества не упомню. И была тут же около старушки Бунтовой, которой было лет за шестьдесят и которая оставалась на тому время нянчить детей. Штатские подошли к старушке и, вероятно, увидав, что она очень древняя, один из них — курчавый —спросил Бунтову, не знает ли она что-либо про Пугачева? Старушка ответила, что она все знает про Пугачева и даже песню, что про него сложена. Господа попросили ее спеть. Бунтова спела им одну песню.

— Правда, правда, бабушка,— говорят ей господа, а сами между себя смеются и говорят: «А ну ка, еще спой»! Бунтова еще спела им две песни. Какие слова этих песен, я не упомню, но говорилось про Пугачева, как он воевал, как вешал».

Рассказчица вспомнила, как-будто в них есть слова: «Не умела ты, ворона, ясна сокола поймать».

«Все время я смотрела на курчавого господина; у него лицо белое, а губы большия, толстыя; да уж очень меня занял ноготь на пальце —длинный, предлинный, у нас так-их не носят.

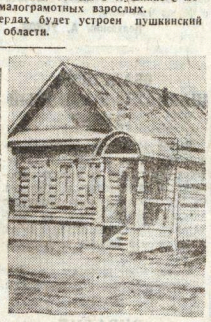
Господа попросили показать дом, где жил Пугачев. Бунтова повела их показывать. Дом этот стоял на большой улице, на углу, на красной стороне. Теперь это место казака Михаила Дмитриевича Козлова. Он был на шесть окон. Со двора открывается чудесный вид на Сакмару, озеро и лес. Сакмара проходила совсем близко ко дворам».

Курчавый господин похвалил место, — говорит «прекраснее»!

Когда я показал рассказчице поясной портрет Пушкина, она оживилась и сказала: «Он самый! Только не руку не вплать, а уж очень меня заинтересовали ногти на его руке».

Были ли еще у Бунтовой эти господа, Акулина Тимофеевна не упомнит, но видела, как они пошли потом от Бунтовой вниз по улице к Сакмаре, а Бунтова возвратилась домой.

(«Труды оренбургской ученой архивной комиссии», стр. 233—234).



На месте, где ныне стоит домик казака Козлова, была «золотая палата» Емельяна Пугачева. Это место потомство зовет «штабом Пугачева».

НА СНИМКЕ — домик Козлова.

Рассказ казачки Бунтовой о Пушкине

«Знакомыи тоже приезжали господа и один все меня заставлял рассказывать, а другие бабы пришли да и говорят: «Смотри, старуха, не наболтай на свою голову, ведь это антихрист». Мы старались ее разуверить: «Да и я думаю так: ведь я говорю правду, не выдумываю,—так, кажись, что тут за беда? Он же—дай бог ему здоровья!—наградил меня за рассказы. Да тут же с ним был и приятель наш, полковник Артюков: уж он бы не захотел вести нас в беду. А бабы-то как было меня напугали! Много их набежало, когда тот барин меня расспрашивал, и песни я ему пела про Пугачева. Показал он мне портрет: красавица такая написана. Вот, — говорит,— она станет твои песни петь». Только он со двора, бабы все так на меня и накинулись. Кто говорит, что его подослали, что меня в тюрьму засадят за мою болтовню, кто говорит: «Антихрист! Видела когти-то у него какие. Да и в писании сказано, что антихрист будет любить старух, заставлять их песни петь и деньгами станет дарить». Слегла я со страху, велела телегу заложить, везти меня в Оренбург к начальству. Так и говорю: «Смилуйтесь, защитите, коли у чего напала на свою голову; захворала я с думы». Те смеются. «Не бойся, — говорят,— это ему сам государь позволил об Пугачеве везде расспрашивать». Ну, уж я и успокоилась, никого не стала слушать».

(«Труды оренбургской ученой архивной комиссии», стр. 236 — 237).

ДЕРЕВНЯ

Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально
замечает
Везде невежества губительный
позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства,
без закона,
Присвоило себе насильственной
лозой
И труд, и собственность, и время
земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам.
Здесь рабство тощее влачится по
браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба
все влекут.
Надежд и склонностей в душе
питать не смея.
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея:
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой
умножить
Дворовые толпы измученных
рабов.
О, если б голос мой умел сердца
трезвожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне в удел витийства
грозный дар?
Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию
царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная
заря?

(Из стихотворения А. С. Пушкина, 1819 год).

„Подбивал на пугачевщину"

Бердский поселок, называвшийся раньше Бердской слободой, основан и укреплен в 1743 году сначала на р. Урале, на месте теперешнего Оренбурга, а затем, перенесен на р. Сакмару, в расстоянии 7 верст от города.

Слобода эта, как и большинство тогдашних крепостей, была обнесена небольшим деревянным оплотом, со рвом и рогатками, а по углам имела батареи; дворов в слободе было не больше 200; жалованных казаков до 100, остальное население составляли гарнизон и «нижнего звания люди». В слободе имелись свой атаман и особый старшина.

Вблизи этой-то слободы, на летней Сакмарской дороге, а потом и в самой слободе, Пугачев и имел военный лагерь во время осады им Оренбурга. Отсюда разъезды разбойничьих шаек не переставали тревожить город, нападать на фуражиров и держать гарнизон в постоянном опасении. Из-под Берд Пугачев с войском и орудиями неоднократно отдучался для взятия и разорения линейных крепостей.

...Пугачев с сообщниками, пародируя, называл деревню Каргалу (Сеитовский посад) Петербургом, Сакмарский городок — Киевом, а изгнетенную им резиденцию Берды — Москвой.

По приезде Пушкина в Берды ему особенно посчастливилось: в поселке доживали век несколько престарелых свидетелей кровавой эпохи. Вот что писал Пушкин с дороги своей жене: «В деревне Берды, где Пугачев простоял 6 месяцев, имел a une bonne fortune* нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал, виноват, и про тебя не подумал...»

...Природа бердских окрестностей в 30-х годах была живописная: река Сакмара была многоводна и несла свои быстрые волны в берегах, густо покрытых почти девственным лесом, в котором водились еще разные хищные звери. Река подходила к самому поселку. На противоположной лесу стороне открывалась другая картина: поемные луга и долины покрывались высокой и сочной травой, зеленели огороды, на которых качались от ветра и тихо скрипели «журавли» казачьих колодцев.

Сидя на крылечке казачьей избы, Пушкин собирал вокруг себя казаков и казачек, слушал их песни, смотрел хороводы.

Чудная панорама природы, лихие казачьи песни, относительная свобода — все это вызывало в Пушкине задорную веселость — он говорил экспромты, сыпал остроты...

Но вот предстали перед будущим творцом «Капитанской дочки» престарелые казаки и казачки.

Неохотно они сначала приступали к своим воспоминаниям... Приходилось Пушкину вступать в такой разговор:

— А ну-ка, дедушка, расскажи нам, сделай одолжение, про Пугача!

— Для кого Пугач, ваша милость, а для меня — царь-батюшка, Петр Федорович!

Обаятельность поэта, ласковое обращение и щедрость подкупали даже стариков — они все смелее и смелее вели свои рассказы и восстанавливали в памяти эпизод за эпизодом.

За песни молодые казаки и за рассказы — старики и старухи были награждены Пушкиным «по-царски»: за каждую песню или отдельный эпизод он платил червонец, иных угощал вином, садя с собой за стол.

Это обстоятельство, по отъезде Пушкина из Бердского поселка, вызвало в обывателях его глубокое сомнение в личности странного гостя и они, собравши сход, смастерили такое донесение на имя начальника края Перовского:

«...был у нас неизвестного звания человек со товарищи, среднего роста, лицом смугл, волосом черен и курчав, на пальцах заместо ногтей когти, подбивал под пугачевщину и дарил золотом...»

Н. ИВАНОВ.

(«Труды оренбургской ученой архивной комиссии», стр. 220—232, издание 1900 года).

*) счастье, удачу.

Александр Сергеевич Пушкин (С картины художника Тропинина).

В „СТОЛИЦЕ"

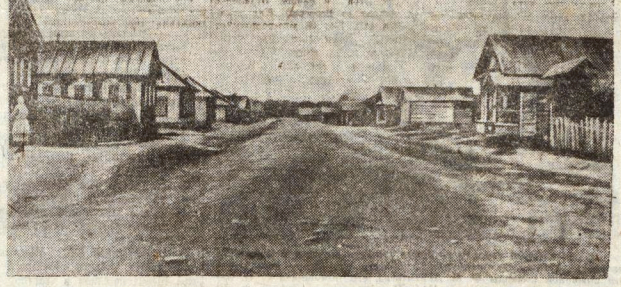
Из воспоминаний В. И. Даля о Пушкине

Пушкин прибыл нежданный и нечаянный и остановился в загородном доме у военного губернатора Василия Александровича Перовского, на другой день перевез я его оттуда, ездил с ним в историческую Бердинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым. Пушкин слушал все это с большим жаром и хохотал от души следующему анекдоту: Пугач, вернувшись в Берды, где испуганный народ собрался в церкви и на паперти, вошел также в церковь. Народ расступился в страхе, кланялся, падал ниц. Приняв важный вид, Пугач прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: «Как я давно не сидел на престоле!» В мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское седалище. Пушкин назвал его за это свиньей и много хохотал.

Мы поехали в Берды, бывшую столицу Пугача.

По пути в Берды Пушкин рассказывал мне, чем он занят теперь, что еще намерен и надеется сделать. Он усердно убеждал меня написать роман и повторял: «Я на вашем месте сейчас бы написал роман, сейчас: вы не поверите, как мне хочется написать роман, но нет, не могу: у меня начато их три, — начну прекрасно, а там недостает терпения, не сложу». Слова эти вполне согласуются с пылким духом поэта и думным творческим долготерпением художника; эти два редкие качества соединились в Пушкине, как две крайности, которые дополняют друг друга и составляют одно целое. Он носился во сне и наяву целые годы с каким-нибудь созданием, и когда оно дозревало в нем, являлось перед духом его уже созданным вполне, то изливалось пламенным потоком в слова и речь; метала мгновенно стынет в воздухе, и создание готово. Пушкин потом воспламенился в полном смысле слова, коснувшись Петра Великого, и говорил, что непременно, кроме дескриптивной об нем, создаст и художественное в память его произведение...

В Бердах мы отыскали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных долгу своему сынов отечества: указали на гребни, где по преданию лежит огромный клад Пугача, зашитый в рубаху, засыпанный землей и покрытый трупом человеческим, чтобы отвесть всякое подозрение и обмануть кладоискателей, которые, зарывшись до трупа, должны подумать, что это—простая могила. Старуха сила также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощание червонец.



103 года тому назад по этой улице шел А. С. Пушкин вместе со своим другом В. И. Дадем, осматривая места «столицы Пугачева» и расспрашивая живых свидетелей огромного крестьянского восстания.

Эта улица, расположенная на берегу Сакмары, — начало Берд. С годами вокруг пристраивались новые улицы, пока небольшая слобода не превратилась в станицу. В конце улицы (задний план) стояли кухни войска Пугачева.

ПУШКИН И ПУГАЧЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ

«Избавь меня, боже, быть поборником и проповедником рабства».

А. С. Пушкин

В оренбургские степи, в станицу Берды, откуда Пугачев руководил осадой Оренбурга, Александр Сергеевича Пушкина привлек глубокий интерес к народному революционному движению.

Этот интерес у великого поэта был далеко не преходящ, далеко не случаен. Всю жизнь его неотступно волновали глубочайшие драматические потрясения, происходившие в гуще народных крестьянских масс.

В своей величайшей исторической трагедии «Борис Годунов» Пушкин впервые выводит на театральную сцену народ, как действующую силу истории. Поэт собирает целый цикл песен о Стеньке Разине*), которого называет «единственным поэтическим лицом в России», в том смысле, что Разин — единственный, кого воспевает в своих песнях народ.

Не только народные восстания русского прошлого, не только восстания крепостных в Западной Европе и Французская революция, но и современные поэту события в России—бунты против аракчеевских военных поселений, петербургские холерные бунты, крестьянская программа декабристов — все это было у Пушкина постоянным предметом глубокого изучения и размышления.

Как известно, мечтая о свободе, о всеобщем равенстве людей, Пушкин не видел путей борьбы за эту свободу. Пушкин любил волю, любил свободу, любил их пылко и вдохновенно, он был певцом гуманности, но это была гуманность общечеловеческая, отвлеченная.

Пушкин не понимал, что только свергнув угнетателей насильственным путем, можно добиться торжества свободы и гуманности.

Приветствуя восстание декабристов, Пушкин видел в нем творческое, просвещенное начало. Но когда восстание декабристов было подавлено, то в России того времени не осталось ни одной революционной силы, кроме стихийного движения крепостных крестьян.

А этого стихийного движения, — крестьянских восстаний—Пушкин боялся. Мятежники из крепостных крестьян, сжигавшие помещичьи усадьбы, были далеко не похожи на просвещенных декабристов — дворянских революционеров. Пушкин видел в крестьянском движении лишь его стихийную, жестокую разрушительную силу:

«Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды, или не знают нашего народа, или уже люди жестокосердые, которым чужая головушка — полушка, да и СВОЯ шейка — копейка».

Тем не менее, при всей этой ограниченности социальных взглядов поэта, нельзя делать вывод, что сочувствие Пушкина было на стороне дворянского класса, против которого поднимал свои дреколья восставший крепостной.

Нет и тысяту раз нет! Ошибку делает М. Храченко, который в своей статье в IX томе «Литературной энциклопедии» старается доказать, что Пушкин является только «защитником дворянства, как класса» (стр. 405). Взгляды Пушкина были шире. Они выходили за пределы ограниченности дворянского класса. Нет никаких сомнений, что до Пушкина-**дворянина** по происхождению и по положению — доходили и воздействовали на него настроения **крестьянских** масс. Поэтому-то он и стал **великим народным поэтом.**

Пушкин прекрасно знал тяжелую жизнь крепостного русского крестьянина:

«Смотри, какой здесь вид:
избушек ряд убогой,
За ними чернота, равнины скат
отлогой,
Над ними серых туч густая полоса.
Где ж нивы светлыя? Где темные
леса?
Где речка? На дворе, у низкого
забора,
Два белых деревца стоят в
отраду взора, —
Два только деревца, и то из них
одно
Дожливой осенью совсем
обнажено
И листья на другом размокли и,
желтея,
Чтоб дужу засорить, ждут первого
Бореа.*)
И только. На дворе живой собаки
нет.

*) У древних греков Бореем назывался бог северного ветра.

Вот, правда, мужичек; за ним две
бабы вслед;
Без шапки он; несет под мышкой
гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал, да церковь
отворил;
Скорей, ждать некогда, давно 6 уж
схоронил!».

В «Истории села Горохина» Пушкин нарисовал выразительную картину издевательства помещиков над крепостными: «Летопись сия сочинена праделом моим Андреем Степановичем Белкиным. Она отличается четкостью и краткостью слога, например: 4 мая. Снег. Трошка за грубость бит. 6 — корова бурая пала. Сенька за пьянство бит. 8 — погода ясная. 9 — дождь и снег. Трошка бит по погоде».

Восстановив картину пугачевского восстания во время своих путешествий по Поволжью и Оренбуржью, Пушкин написал помимо «Истории Пугачева» повесть «Капитанская дочка». В этой повести поэт с ужасом рассказывает о жестокостях правительства в расправе с мятежниками.

С возмущением против извергов самодержавия описывал Пушкин башкира-пугачевца, изгнедованного при подавлении башкирского восстания 1740—41 гг.:

«Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа ни ушей. Он был малого роста, тощ и сгорблен, но уземные глаза его сверкали еще огнем.

Стали башкира раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Юлай взял плеть и замахнулся: тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий отрубок».

После этой потрясающей сцены Пушкин восклицает:

«Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и исторические изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений».

Это восклицание адресовано дворянству и правительству. Пушкину не могло быть неизвестным, что при подавлении восстания башкир в 1740-41 гг. было сожжено 696 деревень, а 301 главному участнику восстания были отрезаны носы и уши.

Разве мудрено, что описанный Пушкиным башкир из «Капитанской дочки», изгрожданный царскими палачами в 1740—42 годах, через три десятилетия в 1773—74 гг. пошел за восставшим Пугачевым?

В работах Пушкина над «Историей Пугачева» мы видим, что поэт понимал **классовый характер** борьбы крестьянства с дворянами и дворянским государством, признавал в известной мере **закономерность** и **неизбежность** пугачевского восстания. Пушкин писал:

«Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны».*)

Это понимание закономерности пугачевского восстания и отношение поэта к зверствам дворянского правительства резко выделило Пушкина из дворянско-придворной среды его времени.

Пушкин стал писать историю пугачевского восстания, как официальный государственный историограф. Ему по приказу царя были открыты для этого тайные архивы и опущены деньги на разъезды. Но то, что вышло из под пера Пушкина, было далеко не похоже на официальное отношение правительства к пугачевскому движению.

Дворяне и царь с ужасом вспоминали Пугачева. Они могли говорить о нем только с ненавистью и злобой, как о «злодее», «душегубце», «каторжнике», «крамольнике».

А представленная Пушкиным царю рукопись о Пугачеве смутила Николая I уже одним своим тоном, одним своим заглавием. Как известно Пушкин назвал свое произведение «**История Пугачева**». Царь зачеркнул это. Книга вышла под заглавием «**История пугачевского бунта**». Эта поправка очень характерна. В ней как в капле воды видна разница отношения к Пугачеву со стороны поэта и со стороны Николая I и всего дворянского государства.

Для Пушкина — гуманиста, человеколюбца, ставившего личные качества человека выше его чинов и сословности, — Пугачев был исторической фигурой, к которой он подходил с огромным интересом, как к выдающейся личности, хотя и происходящей отнюдь не из «благородного сословия».

Он видел в Пугачеве смелость, порывы благородства, черты величия.*)

А для царя и дворян — Пугачев — только каторжник и душегуб, который не может иметь своей истории. Почетное слово «история» может быть достойно только князей и графов, только особ дворянского происхождения, а отнюдь не крепостных холопов, да еще мятежных. Таков был смысл царской поправки.

Чиновник министерства финансов Вронченко в письме к графу Канкрину так и объяснил причину изменения заглавия пушкинского произведения:

«Государь император переменил слова указа не потому, что тут полагалась ошибка, а рассуждал, что преступник, как Пугачев, не имеет истории».

Не только эту «поправку» внес Николай I в рукопись поэта. Он исчеркал ее поля многими замечаниями. У Пушкина в конце произведения невольно вырываются слова, что «Суворов с любопытством расспрашивал славного мятежника о его военных действиях...»

Николай I ставит с боку этой строчки свою пометку «N B» и в печати появляется уже «расспрашивал пленного мятежника»...

И хотя Пушкин не раз называет пугачевское восстание «гнусным бунтом», это не может скрыть от нас большую разницу в отношении к Пугачеву со стороны Пушкина и со стороны «официального мнения» того времени. Поэт во многом расходился с установившимися дворянскими взглядами на людей и на события.

Вопреки им он признавал безусловно правильным основное требование крестьянства — требование освобождения от крепостного права. Он писал: «нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян.

С. КОЛЕСНИЧЕНКО.

*) Кстати, по поводу этих песен, шеф жандармов граф Бенкендорф, которому Николай I поручил цензуру над сочинениями Пушкина, сказал поэту: «Песни о Стеньке Разине при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему неприличны к печатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина и Пугачева»

*) Пушкин. «Сочинения», одиннадцатый том Гослитиздата, стр. 697.

*) Таково, например, сочувственное описание Пугачева в «Капитанской дочке»: «Черты лица его правильные и довольно приятные, не изъявляли ничего свирепого».